

Masayev M. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Philosophy and Social Sciences Department of RHEI "Crimean Humanitarian and University" (Ukraine, Yalta), mikhail-masaev@yandex.ru

Social and philosophical problems of democracy in the creative heritage of A. S. Panarin

The article is dedicated to the trying to find the sense of the social and philosophical problems of democracy in the creative heritage of A.S. Panarin. The author ascertains the historical nature of democracy, determines, that democracy is not a formational phenomenon, arisen together with the capitalism, but the interformational phenomenon, accompanying formation of civilization in the different stages of development.

Besides, having researched the essence of such symbolic notion as democracy, the author confirmed the conclusion made before that hidden under this notion the phenomenon is organically inherent to the talassocratical individualistic societies of western culture with the domination of the private property and absolutely alien to the tellurocratical collectivistic societies of the eastern culture with the social property. That is why democracy has become the symbol and banner of the struggle for the capitalistic reconstruction both feudal and socialist societies.

Keywords: democracy, civilization, social modernization, westernization, common to all mankind universalia, common to all mankind value.

Masaev M. V., доктор філософських наук, професор кафедри філософії та соціальних наук, РВНЗ "Кримський гуманітарний університет" (Україна, Ялта), mikhail-masaev@yandex.ru

Соціально-філософські проблеми демократії у творчій спадщині О. С. Панарина

Стаття присвячена осмисленню соціально-філософських проблем демократії у творчій спадщині О.С. Панарина. Автор встановлює історичну природу демократії, визначає, що вона не є формаційним феноменом, котрий йде поряд з капіталізмом, а являє собою феномен міжформаційний, котрий йде поряд із становленням цивілізації на різних етапах її розвитку.

Крім того, зробивши дослідження сутності символічного поняття демократії, автор підтвердив зроблений раніше висновок, що явище, котре ховається під цим поняттям, органічно притаманно таласократичним індивідуалістичним суспільствам західної культури з домінуванням приватної власності і цілковито чуже телурократичним колективістичним суспільствам східної культури з суспільною власністю. За цієї причини демократія постала символом і прапором боротьби за капіталістичну перебудову як феодальних, так і соціалістичних суспільств.

Ключові слова: демократія, цивілізація, соціальна модернізація, вестернізація, загальнолюдська універсалія, загальнолюдська цінність.

* * *

УДК 291.1

Саблон Лейва Э. А.
Институт философского образования
и науки, Национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова
(Україна, Київ), esablonleiva@gmail.com

Иустин Философ: точки соприкосновения теологии и философии в период ранней Церкви

Рассматривается практика использования философских методов и концепций в теологии эпохи ранней Церкви. Несмотря на неоднозначное отношение "доникейской" Церкви к философии, последняя получила широкое распространение, и оказала огромное влияние на многих апологетов и богословов патристического периода.

В особенности, внимание обращено на опыт корреляции теологии и философии в деятельности и творчестве Иустина Философа, который являлся как философом, так теологом в одном лице. В статье рассматриваются истоки философского богословия; точки соприкосновения теологии и философии на примере апологетической деятельности Иустина. Дается оценка влиянию философии на теологию, а также практической пользе, и роли философии в защите и формулировании христианского учения.

В работе также рассматриваются масштабы влияния платонизма в целом, и в частности идей Иустина Философа, на последующих Отцов и учителей Церкви. В конце обращается внимание на перспективы, и дальнейшие пути и формы взаимодействия теологии и философии.

Ключевые слова: древнегреческая философия, платонизм, христианство, теология, апологетика, период ранней Церкви, патристический период, Отцы Церкви.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Начиная с первых веков ранней Церкви, перед христианством остро стоял вопрос о совместимости или несовместимости христианского учения с греческой

философией. Поскольку большинство Отцов и апологетов Церкви по происхождению были "язычниками", и до обращения в христианство занимались изучением риторики и философии, то естественным образом, они привнесли в христианскую Церковь идеи античной философии. Некоторые из них и по обращению в христианство практиковали в той или иной мере философию. Другие же использовали только ее термины, при этом давши им христианское определение и содержание. Впоследствии философию некоторые из отцов называли служанкой теологии. Однако в Церкви не все разделяли такой подход, включая некоторых Отцов и апологетов. Например, Тертуллиан выражал свое отношение к данному вопросу следующим образом: "Quid ergo Athenis et Hierosolymis? quid Academiae et Ecclesiae?" (лат. – Итак: что Афины – Иерусалиму? что Академия – Церкви? что еретики – христианам?) [16, с. 109].

Определенно, в той или иной мере, древнегреческая философия оказала влияние на "доникейское" христианство. Однако какова же ее роль в Церкви и, в частности, в христианской теологии? Насколько оправдана практика использования философии, в той или иной ее форме, в формулировании веры или ее защите? Именно подобными вопросами задавалась ранняя Церковь, в частности ранние Отцы и апологеты Церкви.

Первым, кто широко стал использовать философию в теологии, принято считать мученика Иустина Философа. Будучи христианином, он не отрекся от греческой философии, но до конца своих дней практиковал ее, и использовал в защите христианской веры. Область данного исследования сводится к практике и использованию философии в христианской общине первых веков, а также ее месте в христианской теологии. Предметом исследования является отношение Иустина Философа к древнегреческой философии, в свете его христианских воззрений, и использование ее в своей апологетической деятельности. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью новых поисков идентификации корневой философского богословия. Сегодня важно с точки зрения ретроспективы пересмотреть теоретико-методологические основания для корреляции философии и теологии с целью наведения мостов и построения новых парадигм взаимодействия между ними.

І. ЖИЗНЬ ІУСТИНА ФІЛОСОФА ДО ОБРАЩЕННЯ В ХРИСТИАНСТВО

Самым выдающимся из греческих апологетов II века принято считать Флавию Иустина, которого впоследствии называли "философом и мучеником" [18, с. 473]. Он является также первым христианским философом или первым философским богословом [18, с. 473].

Родился Иустин Философ (Иустин Великий, Иустин Римский, Иустин Мученик, Юстин Мученик; др.-греч. Ιουστίνος Φιλόσοφος; ок. 100–165 гг.) в семье язычников в Самарии [4, с. 440]. С юности Иустин посвятил свою жизнь поискам истины в греческой философии. Согласно современному ученому, профессору исторического богословия Лондонской школы теологии (London School of Theology) д-ру Тони

Лейну: “Вначале он относил себя к стоикам, но некоторое время спустя разочаровался в стоицизме, полагая, что это мешает ему углублять свои познания о Боге, а его учитель–философ, казалось, даже не видел в этом необходимости. Затем Иустин последовал за приверженцем учения Аристотеля, который, как он воображал, обладал проницательным умом. После того как философ потребовал вознаграждение, Иустин покинул его в твердом убеждении, что тот вовсе и не был философом. Потом Иустин попытался присоединиться к пифагорейцу, но тот хотел, чтобы Иустин вначале изучил музыку, астрономию и геометрию, прежде чем приступить к философии. Однако молодой человек был нетерпелив и вместо этого отправился к известному платонисту. Он делал поразительные успехи, но в гордости переоценил себя, ожидая немедленно узреть Бога” [11, с. 16]. Таким образом, Иустин долгое время находился в поисках истины в философии, блуждая от одного учения к другому. По словам Филипа Шаффа, в прошлом ведущего немецко–американского протестантского историка христианства, “он изучал все философские системы и стучался во все двери древней мудрости, кроме эпикурейцев, которых презирал” [18, с. 473].

II. ЖИЗНЬ ИУСТИНА ФИЛОСОФА ПО ОБРАЩЕНИЮ В ХРИСТИАНСТВО: ФИЛОСОФИЯ И АПОЛОГЕТИКА

Однажды неподалеку от моря Иустин встретился с одним старцем, который указал ему на христианские Священные Писания и на весть об Иисусе Христе [10, с. 7]. Старец посоветовал ему, прежде всего, молиться, чтобы ему открылись двери света и истинное ведение от Господа [10, с. 7]. В Разговоре с Трифоном Иустин описывает свое обращение в христианство следующим образом: “Но в сердце моем тотчас возгорелся огонь, и меня объяла любовь к пророкам и тем мужам, которые суть други Христовы; и, размышляя с самим собою о словах его, я увидел, что эта философия есть единая, твердая и полезная. Таким–то образом сделался я философом” [10, с. 8]. Ближе познакомившись с христианской верой, и видя то, как христиане бесстрашно идут на мучения, он принял крещение [3, с. 55]. Таким образом, Иустин стал христианином.

По своему обращению в христианство, Иустин Философ не отказался от своего философского образования. Напротив, он на протяжении всей последующей жизни оставался облаченным в плащ философа [В своей сопроводительной статье к трактату Тертуллиана “О плаще”, Ю.С. Довженко отметил, что плащ философа–христианина был “...своего рода “скафандром” для погружения в глубины массового сознания периода римской империи, герменевтическим ключом для открытия одной из упомянутых выше дверей в мир раннего христианства” [5, с. 122]], поскольку стать христианином для него значило перейти от одной философии к более возвышенной или, если быть точными, к той, которая “выше всякой человеческой философии” [9, с. 15].

В мантии философа Иустин начал путешествовать, проповедуя христианское провозвестие, которое, как он полагал, являлось истинной философией, через которую человек может достичь спасения [3, с. 55]. Он организовал в Эфесе, а затем в Риме (около 150 года)

свою философскую школу, которая была очень популярной [14, с. 187]. Иустин Философ, какапологет, много писал, а также произносил публичные речи или апологии в защиту христианской веры. Он открыто и смело вступал в дискуссии и публичные споры с языческими философами, которых он обвинял в невежестве [9, с. 3].

В последние дни своей жизни Иустин был вовлечен в спор с философом–киником Кресцентом, которого апологет обвинял в невежестве относительно взглядов христианства [9, с. 3]. Учитель Западной Церкви Иероним Стридонский, в своем труде “О знаменитых мужах”, утверждал, что, в конечном счете, Иустин был обвинен в том, “что был христианином, стараниями Кресцента пролил свою кровь за Христа” [7, гл. 23]. По–видимому, Иустин предполагал печальный исход конфликта [Это видно из следующих слов: “Поэтому и я ожидаю, что буду пойман в сети кем–нибудь из тех, о которых я упомянул, и повешен на дереве, по крайней мере, Кресцентом...” [9, 3]] но, все же, был готов принять мученическую смерть вместе с шестью другими христианами, через бичевания и обезглавливание, не отрекшись от своих верований (ок. 166 г.) [18, с. 475].

Помимо того, что Иустин принимал активное участие в устной защите христианской веры, он написал труды апологетического и полемического характера, которые, по словам современного историка церкви С.В. Санникова, “сыграли серьезную роль в представлении христианства языческому миру” [14, с. 188]. До наших дней из его трудов дошли только две апологии и “Разговор с Трифоном иудеем”, из которых многое о нем становится известным, включая его обращение в христианство. В своей “Первой апологии”, которая была адресована императору Антонину Пию, он защищал христианское учение от многих несправедливых нападок [Христиан времен Иустина обвиняли в безбожии [8, с. 5–6]], политической измене [9, с. 11], злодеяниях и преступлениях [9, с. 12], поскольку они отвергали древнегреческих богов, а также потому, что они были неправильно поняты в своих ключевых суждениях, и оклеветаны политическим обществом]. В этой же апологии он привел объяснение некоторым христианским обычаям и практикам, например, евхаристии [8, с. 10]. “Вторая апология”, адресованная римскому сенату, – является более кратким трудом, в котором Иустин излагает христианское учение с целью избавить христиан от ложных обвинений. Третья, дошедшая до наших дней работа, – “Разговор с Трифоном иудеем”, которая содержит в себе долгий диалог с эллинизированным иудеем по имени Трифон, посвященный обсуждению одних из ключевых вопросов христианства, в частности, роли закона Моисея, личность Иисуса Христа и другие.

Итак, Иустин поистине, как утверждал Шафф, был первым из Отцов Церкви, которого можно назвать “ученым богословом и христианским мыслителем” [18, с. 475]. Классическое философское образование, которое он приобрел еще до своего обращения в христианство, сыграло ключевую роль в его апологетической деятельности [18, с. 475].

III. МЕТОД ИУСТИНА ФИЛОСОФА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ В ТЕОЛОГИИ

Согласно Лейну, Иустин-Философ “не был христианином, пытающимся связать христианство и греческую философию. Он был греком, который пришел к пониманию христианства как воплощения всего самого лучшего, что есть в философии, особенно в платонизме” [11, с. 16]. Иустин полагал, что греческие философы в лучшем случае достигли лишь частичной истины, тогда как христианство видит ее во всей ее полноте [4, с. 441]. Он считал, что “все, что сказано кем-нибудь хорошего, принадлежит нам христианам” [9, с. 13]. Все, что было истинным в древнегреческой философии, было заимствовано у христианства: “Итак, не мы держимся мнений таких же, как другие, но все подражают и повторяют наше учение... Из этого можно понять, что это учение произошло не от человеческой мудрости, но изречено силою Божией” [8, с. 60].

Иустин был убежден в том, что между христианским учением и греческой философией существует много точек соприкосновения. Проводя параллели между греческой философией и христианством, он указывал на зависимость греческих философов от Моисея или пророков: “И Платон, говоря, что “вина в человеке избирающем, а Бог не виновен”, заимствовал это от пророка Моисея. Ибо Моисей древнее всех греческих писателей. Да и во всем, что философы и поэты говорили о бессмертии души, о наказаниях по смерти, о созерцании небесного и о подобных предметах, пользовались они от пророков, – через них могли они понять и излагать это” [8, с. 44]. Потому вполне справедливо Иустин, как писал Шафф, можно назвать “в вольном смысле слова, христианским платоником” [18, с. 480]. Именно он привнес учение Платона в христианство [14, с. 186]. [Согласно профессору Пизанского университета Клаудио Морескини, среди всех философов и философских школ, “...только платоники заслуживают в глазах Иустина наибольшего внимания; вслед за ними определенное значение признается им за пифагорейцами” [13, с. 80]]. Данное явление обусловлено тем, что платонизм и христианское учение имели много схожих черт. По данному поводу Шафф писал следующее: “Она [платоническая философия] носит духовный и идеалистический характер, утверждая превосходство духа над материей, вечных идей – над всеми временными явлениями, предвечность и бессмертие души; она теистична, ставит всевышнего Бога над всеми второстепенными богами, объявляя Его началом, серединой и концом всех вещей; она этична, учит нынешней и грядущей награде и воздаянию; она религиозна, основывает этические, политические и физические законы на власти Законодателя и Правителя вселенной; таким образом, она подводит к самому порогу откровения Бога во Христе, хоть и не знает Его благословенного имени и спасительной благодати и затмевает проблемы истины серьезными заблуждениями [...] Для многих из благороднейших учителей церкви, от Иустина-философа до Неандера-историка, Платон был учителем, приведшим их ко Христу” [18, с. 481].

Однако следует отметить то, что Иустин вовсе не стремился примирить Платона и Христа [2, с. 5]. Он

соглашался с греческой философией лишь в той мере, в которой она не противоречила себе самой и христианским верованиям [2, с. 5] [Примером тому является его решительное отвержение гностицизма, который он считал заблуждением, не согласующимся с христианским учением [8, с. 26; 10, с. 35]]. Для него христианство теоретически представляло собой – истинную философию, а практически – новый закон, “вечный и совершенный и завет верный, это – Христос, после которого нет более ни закона, ни постановления или заповеди” [10, с. 8; 10, с. 11; 18, с. 479]. Несмотря на то, что Иустин до конца своих дней оставался практикующим философом, он считал, что христианское учение “возвышеннее всякого человеческого учения” [9, с. 10]: “И все, что когда-либо сказано и открыто хорошего философами и законодателями, все это ими сделано соответственно меренахождения ими и созерцания Слова, а так как они не знали всех свойств Слова, Которое есть Христос, то часто говорили даже противное самим себе” [9, с. 10].

Иустин посвятил много усилий тому, чтобы дискредитировать пародии на христианские верования в греческой культуре, используя при этом греческую философию и логику [2, с. 4]. Для того чтобы вразумительно объяснить представителям древнегреческой культуры и философии природу Иисуса Христа, он, находясь под идейным влиянием Филона Александрийского, а также, возможно, и под влиянием евангелия от Иоанна (ев. от Ин. 1:14), использовал концепцию Логоса [9, с. 10; 1, с. 44–5]. В этом учении Иустин, по-видимому, придавая философской концепции христианский смысл, либо же формулируя христианскую идею философским термином, отождествлял Логос с Христом [9, с. 10]. Таким же образом, в дискуссии с ученым евреем Трифоном, он, размышляя о Боге и его трансцендентности, прибегал к философским терминам [12, с. 44].

Что же касается непосредственно теологии Иустина, то следует учитывать то, что отдельные размышления ранних писателей не содержали в себе завершенной системы с выводами [17, с. 125]. С одной стороны, нельзя отрицать определенных заблуждений первых авторов и апологетов Церкви, с другой же – следует учитывать то, что в первых двух столетиях теология христианской церкви, как писал англиканский богослов викторианской эпохи Фаррар, “еще не кристаллизовалось в строгие формулы” [17, с. 125]. Таким образом, язык древних писателей, включая Иустина Философа, “был еще, так сказать, несовершенным и чуждым всякой технике” [17, с. 125]. Также следует заметить, что он не владел фиксированным каноном Нового Завета [Примечательно то, что Иустин в своих трудах даже не упоминал об апостоле Павле, за исключением нескольких аллюзий на фрагменты из его посланий (Римлянам, 1 Коринфянам, Ефессянам, Колоссянам и другие) [18, с. 478]]. Таким образом, источниками познания христианской веры для Иустина были, как отчасти Священное Писание (в основном Ветхий Завет), так и церковное предание.

Итак, учитывая историко-богословский контекст, в котором находился Иустин, а также период становления

християнської доктрини, следует отметить то, что он внес огромный вклад в развитие християнської апологетики. Как весьма точно отметил Морескини: “механизм которой был приведен в действие” Иустином... [оказал] сильное влияние на латинскую апологетику (а также на учения, не преследующие апологетических целей)” [13, с. 93]. Он активно защищал и представлял християнство перед его современниками и мировой греческой культурой. Несмотря на ограниченное количество ранних авторитетных письменных источников християнского богословия и ограниченный доступ к ним, он использовал все лучшие и доступные для него ресурсы, включая лучшее из философской мысли, для того, чтобы объяснить християнство чуждому ветхозаветной традиции обществу и защитить его от нападков со стороны языческих философов и критиков.

IV. ВЛИЯНИЕ ИУСТИНА ФИЛОСОФА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ МЕЖДУ ТЕОЛОГИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ В РАННЕЙ ЦЕРКВИ

Влияние Иустина на християнство в контексте эллинистической культуры и философии трудно переоценить. Его идеи и труды послужили, своего рода, отправной точкой для диалога между християнскими апологетами и древнегреческими философами, а также базисом для корреляции теологических и философских дисциплин. По Шаффу, Иустин “образует переход от апостольских отцов церкви к собственно отцам церкви” [18, с. 479]. Идеям, которые он заложил, последовали в дальнейшем многие патристические богословы. В особенности его идея о Логосе, позднее нашла свое отражение в трудах других Отцов и учителей Церкви, в особенности у представителей александрийской школы [Например, у Оригена Александрийского (см. “О началах”, I, 2–3)]. Таким образом, наследием Иустина впоследствии воспользовались многие апологеты и богословы Церкви, такие как Климент и Ориген из Александрии, Ириней Лионский, Тертуллиан и другие. Что же касается платонизма, то он оказал огромное влияние не только на Иустина Философа, но и на многих других известных богословов, среди которых имена Аврелия Августина и Отцов–Каппадокийцев, которые, в свою очередь, надолго определили границы богословского дискурса (вплоть до Средневековья, и включая его). В целом, говоря о влиянии античной философии на раннехристиянскую теологию, можно прийти к следующему выводу, который сделал профессор патристики Дэвид Райт: “почти у всех греческих отцов обнаруживается влияние светской мысли в их сочинениях” (перевод автора) [2, с. 1].

В основе методов первых апологетов, к которым относился и Иустин Философ, по словам Евагрия Схоластика, антиохийского юриста и историка, лежит один общий принцип – “принцип подчиненности и зависимости самых лучших культурных достижений античности относительно християнства, понятого в широком смысле как Истина...” [6, с. 39–40]. Данный принцип характеризует первых християнских богословов и апологетов как тех мыслителей, которые искали точки соприкосновения между християнством и язычеством, теологией и философией, а также прилагали усилия для того, чтобы

контекстуализировать християнство как метанарратив, без урона для его содержания. В какой-то мере, философия помогла християнству выжить и распространиться в чуждой для него среде [Не секрет, что християнство возникло на фоне иудаизма, которому было чуждо язычество. Первыми членами християнської общины были именно иудеи]. Кроме того, она способствовала формулированию и систематизации некоторых ключевых християнских доктрин.

Ввиду многовекового опыта “сотрудничества” теологии с философией, можно прийти к выводу, что последняя во многом послужила християнским авторам, в особенности на раннем этапе развития теологии. В отношении перспективы и последующих путей взаимодействия между теологией и философией можно сказать, что роль философии крайне важна, поскольку она может помочь теологии быть более ясной и логически последовательной в суждениях, формулировках и определениях [19, с. 32–33]. К тому же философия может служить теологии в апологетических целях, т.е. оснастить последнюю методологическим базисом, и придать ей большую основательность [19, с. 32–33].

Итак, Иустин Философ сыграл очень важную роль в истории ранней Церкви. Как апологет и практикующий философ, он выступил в роли защитника Церкви перед языческим миром, у которой на тот момент не было четко сформулированной доктрины. Он использовал все свои знания из философии, которые согласовались в его разуме с християнской верой, для того, чтобы объяснить в доступной форме своим современникам суть християнства.

Несмотря на то, что Иустин не владел фиксированным каноническим Новым Заветом и более поздними источниками християнської доктрины, он смело защищал християнское учение, представляя его в ученых кругах и не только. Он успешно отстаивал свою позицию перед цивилизованным миром, включая представителей аристократии.

Обратившись в християнство, он не оставил занятия философией. Однако это не препятствовало ему оставаться верным приверженцем християнської веры до конца его дней, не смотря на угрозу смерти. Он смело говорил о превосходстве християнської истины над всеми видами философской мысли.

Впоследствии труды и деяния Иустина Философа оказали большое влияние на Церковь, и надолго определили ход развития християнської мысли. Как один из первых апологетов Церкви, он послужил примером и вдохновением для последующих апологетов и Отцов, которым предстояло также соприкоснуться с языческим миром. Таким образом, Иустин показал, что теология и философия вовсе не чужды друг другу, но могут иметь и имеют множество уровней и форм взаимодействия.

Список использованных источников

1. Abbot Ezra. The Authorship of the Fourth Gospel and Other Critical Essays. London: Forgotten Books, 2013.–516 p. (Original work published 1888).
2. Wright David F. Christian Faith in the Greek World: Justin Martyr's Testimon / David F. Wright Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки..
3. Всеволод Инок. Путь святых отцов. Патрология / Инок Всеволод; под общей редакцией митрополита Лавра Восточно–Американского и Нью–Йоркского.– Джорданвилль. – М., 2007. – 640 с.

4. Гайслер Н.Л. Энциклопедия христианской апологетики / Н.Л. Гайслер; пер. с англ. В. Гаврилова. – СПб.: Библия для всех, 2004. – 1184 с.

5. Довженко Ю.С. К семантике плаща раннехристианского философа // К.С.Ф. Тертуллиан. О плаще. – СПб.: Алетейя, 2000. – С.121–216.

6. Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I–VI / Евагрий Схоластик; пер. с греч., вступ. ст., комм., приложения и указатели И.В. Кривушина. – СПб.: “Издательство Олега Абышко”, 2006. – 672 с.

7. Иероним Стридонский. Книга о знаменитых мужах / Иероним Стридонский; пер. и комм. М.Ф.Высокого // Церковные историки IV–V веков. – М.: Росспэн, 2007. – С.11–57.

8. Иустин Философ и Мученик. Апология I // Иустин Философ и Мученик. Творения; пер. прот. П.П. Преображенский. – М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. – С.31–104.

9. Иустин Философ и Мученик. Апология II // Иустин Философ и Мученик. Творения; пер. прот. П.П. Преображенский. – М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. – С.105–121.

10. Иустин Философ и Мученик. Разговор с Трифоном иудеем // Иустин Философ и Мученик. Творения; пер. прот. П.П. Преображенский. – М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. – С.132–358.

11. Лейн Тони. Христианские мыслители / Тони Лейн; пер. с англ. – СПб.: “Мирт”, 1997. – 352 с.

12. Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие. Пер. с англ. Л.Волохонской. Изд. 4-е, испр. и доп. – К.: храм прп. Агапита Печерского, 2002. – 360 с.

13. Морескини Клаудио. История патристической философии / Клаудио Морескини. – М.: Издательство “Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина”, 2011. – 864 с.

14. Санников С.В. Двадцать веков христианства. Учебное пособие по истории христианства: В 2 т. – Т.1. Первое тысячелетие / С.В. Санников. – Одесса: Изд-во ОБС “Богомыслие”, 2002. – 668 с.

15. Санников С.В. Двадцать веков христианства. Учебное пособие по истории христианства: В 2 т. – Т.2. Второе тысячелетие / С.В. Санников. – Одесса: Изд-во ОБС “Богомыслие”, 2001. – 704 с.

16. Тертуллиан. О прескрипции [против] еретиков // Тертуллиан. Избранные сочинения; пер. с лат. – М.: Изд. группа “Прогресс”, “Культура”, 1994. – С.106–129.

17. Фаррар Ф.В. Жизнь и труды святых отцов и учителей церкви: В 2 т. – Т.1 / Ф.В. Фаррар; ред. О.Варзацкая, Т.Баркова; переклад на русский язык А.П. Лопухина. – Vancouver: Hope of Salvation Mission, 2005. – (Вне времени). – 1290 с.

18. Шафф Филип. История христианской церкви: В 8 т. – Т.2 Доникейское христианство, 100–325 г. по Р.Х. / Филип Шафф; ред. Ю.А. Цыганков; пер. с англ. О.А. Рыбакова. – СПб.: “Библия для всех”, 2007. – 592 с.

19. Эриксон Миллард. Христианское богословие / Миллард Эриксон. – СПб.: “Библия для всех”, СПбХУ, 1999. – 1088 с.

References

1. Abbot Ezra. The Authorship of the Fourth Gospel and Other Critical Essays. London: Forgotten Books, 2013. – 516 p. (Original work published 1888).

2. Wright David F. Christian Faith in the Greek World: Justin Martyr’s Testimon / David F. Wright Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.

3. Vsevolod Inok. Put svyatiy otsov. Patrologiya / Inok Vsevolod; pod obschey redaktsiey mitropolita Lavra Vostochno–Amerikanskogo Nyu–Yorkskogo. – Djordanvill. – М., 2007. – 640 с.

4. Gaysler N.L. Entsiklopediya hristianskoy apologetiki / N. L. Gaysler; per. sangl. V. Gavrilov. – SPb.: Bibliya dlya vseh, 2004. – 1184 s.

5. Dovzhenko U.S. K semantike plascharannehristianskogo filosofa // K.S.F. Tertullian. O plasche. – SPb.: Aleteya, 2000. – S.121–216.

6. Evagriy Sholastik. Tserkovnaya istoriya. Knigi I–VI / Evagriy Sholastik; per. s grech., vstup. st., komm., prilozheniya i ukazateli I. V. Krivushina. – SPb.: “Izdatelstvo Olega Abishko”, 2006. – 672 s.

7. Ieronim Stridonskiy. Kniga o znamenitih muzhah / Ieronim Stridonskiy; per. i komm. M.F. Visokogo // Tserkovnie istoriki IV–V vekov. – М.: Rosspen, 2007. – S.11–57.

8. Iustin Filosof i Muchenik. Apologiya I // Iustin Filosof i Muchenik. Tvoreniya; per. prot. P.P. Preobrazhenskiy. – М.: Universitetskaya tipografiya, Strastnoy bulvar, 1892. – S. 31–104.

9. Iustin Filosof i Muchenik. Apologiya II // Iustin Filosof i Muchenik. Tvoreniya; per. prot. P.P. Preobrazhenskiy. – М.: Universitetskaya tipografiya, Strastnoy bulvar, 1892. – S.105–121.

10. Iustin Filosof i Muchenik. razgovor s Trifonom iudeem // Iustin Filosof i Muchenik. Tvoreniya; per. prot. P.P. Preobrazhenskiy. – М.: Universitetskaya tipografiya, Strastnoy bulvar, 1892. – S.132–358.

11. Leyn Toni. Hristianskie misliteli / Toni Leyn; per. sangl. – SPb.: “Mirt”, 1997. – 352 s.

12. Meyendorf I., prot. Vvedenie v svyatootcheskoe bogoslovie. Per. s angl. L. Volohonskoy. Izd. 4–e, ispr. i dop. – К.: prp. Agapita Pecherskogo, 2002. – 360 s.

13. Moreskini Claudio. Istoriya patristicheskoy filosofii / Claudio Moreskini. – М.: Izdatelstvo “Greko–latinskiy kabinet U.A. Shichalina”, 2011. – 864 s.

14. Sannikov S.V. Dvadsat vekov hristianstva. Uchebnoe posobie po istorii hristianstva: V 2 t. – Т.1. Pervoe tisyachiletie / S.V. Sannikov. – Odessa: Izd–vo OBS “Bogomislje”, 2002. – 668 s.

15. Sannikov S.V. Dvadsat vekov hristianstva. Uchebnoe posobie po istorii hristianstva: V 2 t. – Т.2. Vtoroetisyachiletie / S.V. Sannikov. – Odessa: Izd–vo OBS “Bogomislje”, 2001. – 704 s.

16. Tertullian. O preskripsii [protiv] eretikov // Tertullian. Izbranniesochineniya; per. slat. – М.: Izd. gruppa “Progress”, “Kultura”, 1994. – S.106–129.

17. Farrar F.V. Zhizn i trudisvyatiy otsov i uchiteley tserkvi: V 2 t. – Т.1 / F.V. Farrar; red. O. Varzatskaya, T. Barkova; pereskaz na russkiy yazik A.P. Lopuhina. – Vancouver: Hope of Salvation Mission, 2005. – (Vne vremeni). – 1290 s.

18. Shaff Filip. Istoriya hristianskoy tserkvi: V 8 t. – Т.2 Donikeyskoehristianstvo, 100–325 g. po R. H. / Filip Shaff; red. U.A. Tsigankov; per. s angl. O.A. Ribakoba. – SPb.: “Bibliya dlya vseh”, 2007. – 592 s.

19. Erikson Millard. Hristianskoe bogoslovie / Millard Erikson. – SPb.: “Bibliya dlya vseh”, SPbHY, 1999. – 1088 s.

Sablón Leiva E. A., Institute of Philosophical Education and Science, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine, Kiev), esablónleiva@gmail.com

Justin the Philosopher: points of contact theology and philosophy in the period of the early Church

In this article, the practice of employing philosophical methods and concepts in the theology of the early Church is examined. The ambivalent attitude of the pre-Nicaean Church toward philosophy notwithstanding, philosophy enjoyed wide usage and exercised great influence on many apologetes of the patristic era.

Particular attention is given to Justin the Philosopher’s experiment in correlating theology and philosophy in his practical undertakings and creative oeuvre; Justin embodied both the philosopher and theologian. This article examines the sources of philosophical theology and the points of contact between theology and philosophy as exemplified in Justin’s apologetic activity. Philosophy’s influence on theology is assessed along with that of the practical usefulness and role of philosophy in the defense and formulation of Christian teaching.

The extent of the influence of Platonism, as a whole, and of Justin the Philosopher in particular on the Church Fathers and teachers who came after, is also examined in this work. Finally, attention will be given to the question of future prospects for the interaction of theology and philosophy and the shapes this interaction might take.

Keywords: Ancient Greek philosophy, Platonism, Christianity, theology, apologetics, the early church period, the patristic period, the fathers of the church.

Саблон Лейва Е. А., Інститут філософської освіти і науки, Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ), esablónleiva@gmail.com

Юстин Філософ: точки дотику теології та філософії у період ранньої Церкви

Розглядається практика використання філософських методів і концепцій в теології епохи ранньої Церкви. Незважаючи на неоднозначне ставлення “донікейської” Церкви до філософії, остання отримала широке розповсюдження, і справила величезний вплив на багатьох апологетів і богословів патристичного періоду.

Особливо, увагу звернуто на досвід кореляції теології та філософії в діяльності та творчості Юстина Філософа, який був як філософом, так теологом особі. У статті розглядаються витoki філософського богослов’я; точки дотику теології та філософії на прикладі апологетичної діяльності Юстина. Дається оцінка впливу філософії на теологію, а також практичній користі, і ролі філософії у захисті і формуванні християнського вчення.

У роботі також розглядаються масштаби впливу платонізму в цілому, і зокрема ідей Юстина Філософа, на подальших Отців і вчителів Церкви. Наприкінці звертається увага на перспективи, і подальші шляхи і форми взаємодії теології та філософії.

Ключові слова: давньогрецька філософія, платонізм, християнство, теологія, апологетика, період ранньої Церкви, патристичний період, Отці Церкви.

* * *

УДК 165.6:2-587.6

Tan Tan Davani H.
post-graduate chair of ethics, esthetics
and culturology of the KNU after Taras Shevchenko
(Ukraine, Kiev), hamilatahamtan@yahoo.com

THE CONCEPT AND THE CONTENT OF "THE INNER SILENCE" IN THE NEW IRANIAN MYSTICISM (TARIGHAT)

The goal of this research is to discover and analyze the main principles and ways to achieve "the inner silence" from the view point of Iranian mysticism (Tarighat) explained by Iranian "illuminati".

In our research we used the methods of analysis and synthesis, induction and deduction, and also historic and comparative methods.

After the analysis of "the inner silence" concept, we conclude that all deliberate attempts to make our inner side silent are a kind of method to awake the hidden illumination. And to achieve this "illuminati" underwent seven stages of personal initiation and found different ways to stop inner talk, non-thinking and non-speech in particular. The eastern mystic notion of "inner silence" was also compared to the western one and there were established some conceptual similarities between them.

Keywords: "inner silence", inner talk, Iranian mysticism (Tarighat), seven Sowdas, non-speech, initiation of a person, Iranian "illuminati".

(стаття друкується мовою оригіналу)

From ancient times the number "seven" among other numbers is the one of special priority and it drew attention of the various peoples in the world, particularly of the eastern tribes. It has a stable role as a symbol and a sign of a perfect order and a complete period, especially because of the relation of number "seven" with world creation and seven planets of our solar system. Ancients knew that their impact on the four nature elements (water, wind, earth, fire) was the reason of appearance of the all world creatures. Many sacred books such Torah, Evangel, Quran, Avesta named this number as a holy figure.

In Mithraism, which is the reflection of ancient Iranian ceremony, the official initiation of a person was held in seven stages or degrees. To get access to any degree, it is required to do the especially purification. Each degree and status has its name and every stage demands higher level of competence and personal austerity. Thus, the seven degrees of these names are (beginning from the lowest one): crows, secret, soldier, lion, Persian, Sun time, Father.

Iranian mystic thinker, and one of the greats in the Iranian literature Attar Nishapuri in "Conference of the Birds", explains the concept of going through seven stages as reaching the eternal light. This light was symbolized in the story of a flock of birds in search of Simorgh (Qaf) who have to go through seven stages to reach her nest on the Qaf mountain. But at the end Simorgh turns out to be nothing but the bird's own reflection in the water. Seven stages of mysticism in "Mantegholtaire Attar" which are also called seven valleys of love are: The valley of quest, Love & Fire, Unity, Wonder, Poverty and Ruin & perdition [1, p. 31].

The new mysticism of Iran brings up seven "ardent desires" or "seven Sowdas" (in Iranian "haft sowda") from these ancient roots and introduce them as the new ways of thinking and perception of the life. They are as follow:

1) Non-thinking; 2) Non-time, 3) Non-reliance, 4) Non-frame, 5) Non-boundaries, 6) Non-speech, 7) Non-acting.

They are based on fortifying personal authority (including self-confidence and self-control) and getting the person to the stage when one achieves all his/ dreams via turning on upon oneself. In this case one becomes a person with an unlimited self-esteem and personal authority in order to claim having a good spiritual life in the third millennium. Each theosophist should involve with seven "ardent desires" and spiritual experience it until he gets a stage when he is able to solve all the problems of the wisdom and logic world.

One of the most important ways to achieve "the inner silence" is Non-speech Sowda. Carlos Castaneda in one of his meetings at the University of Mexico gives such explanations about such Sowda:

"He explained that inner silence is not only the absence of thoughts. Rather, it is about suspending judgment, witnessing without interpreting. He maintained that entering the silence could be defined as learning "how to think without words, in the typically contradictory way of sorcerers" [5, p.44].

He continued by saying that silence is our natural condition:

"We were born from silence and we will return there. What contaminate us are all the superfluous ideas that percolate through us, due to our collective way of living. Our relatives, the primates, have very ingrained social customs whose objective is to diminish the levels of tension inside the group. For example, they dedicate much of their time to caressing each other, smelling each other, or picking each other's lice". "Silence is a passageway between worlds. When our mind stays silent, incredible aspects of our being emerge. Starting from that moment, a person becomes a vehicle of intent, and all his acts begin to ooze power" [5, p.44].

No-speech Sowda is the inner silence and being in harmony with the words and terms of silence. Theosophist should stop inner talk after years of theosophy. In silence and non-speaking mood he finds out that the fact of life is not understandable by words and dialogues; this is the biggest achievement of the theosophy and in fact is the thesis of cognizance ("Marefat").

Eastern believes are divided into four schools: mysticism, theosophy, religion and Sharia. In mysticism, West and East are more than geographical concepts; they are the epistemic categories of geography of knowledge. In a comparative study process the spiritual identity formulation is considered as the combined spiritual identity and language, or a kind of mystical expression in language, the result would be such that the amount and the kind of composition of language and the mysticism can produce very different spiritual identity.

In the West this identity is based on the detailed and accurate expression. In other words, according to this formulation they rely more on the language expression. That's why these believes explains the mysticism's benefits from philosophy of language, because philosophy is an expression of knowledge, not a secret and complex knowledge itself.

As for the Eastern believes, they are based on the inner concept in their world perception and that's why eastern spiritual language is esoteric, ambiguous and metaphorical. In the Eastern language, the inner concept and its levels are emphasized instead of speech and statement. So